

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-3-11-22

ТОЛСТОВСКИЙ ТЕКСТ В ПОЭМЕ Д. БУРЛЮКА «ВЕЛИКИЙ КРОТКИЙ БОЛЬШЕВИК»

В. В. Курьянова

Аннотация. В статье на материале поэмы Д. Бурлюка рассматриваются элементы толстовского текста как именно сверхтекста литературы. Новизна исследования заключается в том, что изучение сверхтекстовых структур в современном литературоведении прежде всего сосредоточено на топосных текстах (Петербургском, Московском, Крымском, Венецианском, Пермском и др.), в то время как именные тексты (пушкинский, гоголевский, толстовский и др.) исследованы мало, и методология изучения находится в стадии разработки. Автор статьи утверждает, что основой толстовского текста является персонический миф о Л. Н. Толстом, который активно развивается на протяжении полутора столетий, но особенную актуальность получает в начале XX в. в период популяризации духовного наследия писателя и осмысления его трагического ухода из собственного дома. Анализируются структура толстовского мифа, выявляются свойственные ему мифологемы (мифологизированные константные представления), созданные и воспроизведенные Д. Бурлюком в соответствии с собственным поэтическим мировидением, личным отношением к творчеству и личности Л. Н. Толстого. Охваченный идеологией большевизма поэт-футурист, живший к тому времени в эмиграции, представляет героя своей поэмы – Льва Толстого – как «великого кроткого большевика», заложившего философией толстовства основу революции 1917 г. и нового советского государства. Создавая персонический миф о Льве Толстом, Д. Бурлюк использовал мифологемы, необходимые ему для воплощения образа Великого Большевика: «величие Толстого», «мудрость Толстого», «Толстой – критик официальной церкви» и «опрощение Толстого». Находя в идеях толстовства и большевизма сходные нравственные и идеологические догмы, поэт соединяет основу философии великого мыслителя русской литературы с политической концепцией большевиков. Тем самым Бурлюк уникально (зачастую абсолютно парадоксально, в угоду рожденному образу) интерпретирует традиционные мифологемы опрощения и проповедничества Толстого, являющиеся частью мифа о нем, и становится, наряду с многочисленными творцами XX в., создателем толстовского текста.

© Курьянова В. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: *сверхтекст, именной текст, толстовский текст, биографический миф, миф о Л. Н. Толстом, русская литература XX в., Д. Бурлюк.*

TOLSTOYAN TEXT IN THE POEM BY D. BURLYUK
"GREAT MEEK BOLSHEVIK"

V. V. Kurianova

Abstract. *The article examines the elements of Leo Tolstoy's text as a nominal supertext of literature based on the material of D. Burluk's poem. The novelty of the research lies in the fact that the study of supertext structures in modern literary research is primarily focused on topographical texts (St. Petersburg, Crimea, Venice, London, Perm, etc.) while nominal texts (by Pushkin, Gogol, Chekhov) are little studied and the research methodology is under development. The author of the article claims that the basis of the text by Leo Tolstoy is the personal myth of Leo Tolstoy, which has been actively developed over a century and a half, but gained a particular relevance at the beginning of the 20th century during the period of popularization of the writer's spiritual heritage and understanding of his tragic departure from his own home. The structure of the Tolstoyan myth is analyzed, its characteristic mythologemes (mythologized constant representations), created and reproduced by D. Burluk in accordance with his own poetic worldview, personal attitude to the work and personality of Leo Tolstoy, are revealed. The futurist poet, who by that time lived in exile, seized by the ideology of Bolshevism, presents the hero of his poem, Leo Tolstoy, as a „great meek Bolshevik” who laid the foundation of the 1917 revolution and the new Soviet state with the philosophy of Tolstoyism. Creating a personal myth about Leo Tolstoy, D. Burluk used the mythologemes he needed to embody the image of the Great Bolshevik: “Tolstoy's greatness”, “Tolstoy's wisdom”, “Tolstoy is a critic of the official church” and “Tolstoy's simplification”. Finding moral and ideological dogmas in the ideas of Tolstoyism and Bolshevism, the poet connects the basis of the philosophy of the great thinker of Russian literature with the political concept of the Bolsheviks. Thus, Burluk in a special way (often absolutely paradoxical, to correspond to the image created) interprets the traditional mythologemes of Tolstoy's simplification and preaching, which are part of the myth about him, and becomes, along with numerous creators of the twentieth century, the creator of Tolstoy's text.*

Keywords: *supertext, nominal text, Tolstoyan text, biographical myth, myth of Leo Tolstoy, Russian literature of the 20th century, D. Burluk.*

Имя Льва Николаевича Толстого в мировой культуре является прецедентным. Вопреки противоречивости личности самого писателя, его образ в силу мощи, таланта, характера оказывался востребованным в любую эпоху, он стал символом безусловного писательского дара и собственного исключительного пути. Личная и писательская биографии Толстого всегда имели мифогенный

характер. Слава великого русского мыслителя вознесла его на вершину русского национального Олимпа: Толстой воспринимался уже в сознании современников неким культурным героем, который появился как ответ на запрос трудных времен с определенной задачей, с попыткой изменить жизнь, эстетику, религию и пр.

Культурный герой [1] – это главное действующее лицо мифа, призванный

мир в конкретный момент, потому что хаос и порядок лишились равновесия, возможно, грядет катастрофа, люди нуждаются в нем. По аналогии с архаической мифологией в сознании людей складывался персонический миф о Льве Толстом, который в своей структуре имеет прежде всего автобиографический миф, созданный самим Толстым в переписке, дневниках, художественных произведениях. Например, запись в дневнике о создании новой религии, письмо к тетушке о будущей счастливой жизни в Ясной, признание в любви Софье Андреевне и проекция признания Левина Кити и т. п. Также в персонический миф включена биография Толстого, которая создавалась еще при жизни многочисленными мемуарами, записями его окружения, затем получила дальнейшее развитие в трудах биографов писателя. Кроме того, миф дополняется литературной репутацией Льва Толстого, представленной в газетах, журналах, письмах, отзывах его современников.

Таким образом, уже в начале XX в. появилось огромное количество критических, художественных, документальных, мемуарных текстов, которые либо мифологизировали, либо демофилогизировали личность великого русского художника и мыслителя, составив именную свертку Л. Н. Толстого, то есть «семантически связанную с личностью писателя систему семиотически значимых константных представлений (мифологем) о нем и его произведениях, являющихся знаковой манифестацией личности и творчества писателя и закрепленных в произведениях русской литературы» [2, с. 181–182].

А. Г. Лошаков на примере ломоносовского текста выделил несколько уровней именного свертка: «денотативный (текст жизни и текст творчества Ломоносова как внетекстовая структура), прототекстовый (мифогенные документальные, автобиографические и биографические тексты), субтекстовый

(жанровые, «направленческие», авторские и др. парадигмы текстов)» [3, с. 75]. Такая структура свойственна и толстовскому тексту, обладающему широким материалом сведений о жизни писателя, произведениях о нем и примерами использования творческих приемов и интертекстуальности. Каждая интерпретация персонического мифа о Льве Толстом обращена к единому феномену, что обусловлено центростремительными и центробежными силами любого свертка.

Толстовский текст активно создается уже более полутора веков, но в определенные моменты не ослабевающий никогда интерес к Толстому становится особенно заметен. В 1928 г. многие откликнулись на столетний юбилей писателя в разных художественных формах. Поэт Д. Бурлюк, вдохновленный знаменательным событием, написал поэму «Великий кроткий большевик», в которой обозначил свое представление о роли Л. Н. Толстого в истории и культуре России и Советского Союза.

С футуристической прямотой Бурлюк уже в заглавии поэмы употребляет оксюморон, называя Толстого большевиком, то есть революционером, ревнителем нового советского строя, но добавляя при этом эпитет «кроткий». Этой противоречивой формулировкой поэт утверждал одновременно и революционность взглядов Толстого, и пассивность его действий: «провозглашал он БОЛЬШЕВИЗМ не проводя активно» [4, с. 18].

Бурлюк предложил в поэме условные обстоятельства: что было бы, если бы недалёковидное мироздание не забирало бы к себе таких великих людей с «честнейшими умами» и «многочисленными силами». В таком случае Толстой получил бы охранную грамоту от Советского Союза и смог бы послужить на благо новой стране «полынной бородой фундамента вопрос» о том, как революция расчистила территории «снега горным комом» [4, с. 7] и страна зажила с чистого листа.

Несмотря на уверенность в схожести идеологических установок Толстого и большевиков, Бурлюк пишет: «фундамента вопрос», то есть установив, разработав, заложив фундамент, по сути рассуждая и обсуждая, но не пропагандируя достижения новой власти, имея в виду, что Толстой в последние десятилетия своей жизни выступал ярким публицистом, откликнувшись на каждое большое событие в мире и оценивавшим его в рамках собственной идеологии.

Бурлюк, следуя традициям футуристов, разделил текст визуально: тире, многоточия, очерки, перенос части слов на другую строку, значимые слова и выражения написаны большими буквами (ТОЛСТОЙ, СОВСОЮЗ, РЕВОЛЮЦИЯ, ЦАРИЗМА ГНУСНОГО), чистая страница с одной строкой в конце. Все эти приемы графически разрывают смысловой ряд, одновременно создавая единый образ при помощи синтеза различных творческих приемов. Кроме того, Бурлюк-художник сопровождал, или, как он сам пишет, «украсил» книгу двумя своими рисунками «Заклинатель змеи» и «Близкие к природе», таким образом традиционно следуя модернистским традициям в стремлении создавать что-то новое, необычное, экспериментировать с формой.

Персональный миф Бурлюк создал в поэме при помощи нескольких устойчивых мифологем, структурирующих толстовский текст в творчестве многих художников XX в.

Мифологема «Толстой-проповедник» реализована такой метафорой как «овчарь». В толковом словаре В. И. Даля овцевод, то есть пастух (метафорически традиционное обозначение предводителя паствы) назван «овчаром», «овчарь» же – это «овчинник, скорняк» [5], то есть мастер по выделке шкур. Ремесло древнее, требующее большой физической силы, неслучайно один из богатырей был представителем именно этой профессии – Никита Кожемяка. Бурлюковский

Толстой тоже обладает недюжинной силой: скорняк «и истин, и забот о пользе бедняков, о высшем благе» [4, с. 8], он создает истинное, настоящее, вопросы, которые он поднимает («выделяет»), обозначают проблемы простых людей.

Но представление о Толстом-поводыре также присутствует в поэме:

Людское стадо в жаркий
День
Пастух,
храня источник истин,
Сознательно ведет живительную тень
От солнечных лучей мониста [4, с. 9].

Герой не просто познает истину (как скорняк тщательно выделяет шкуру из свежей туши), он создает идеологию опрощения, чертит путь духовной жизни, презирая пагубные материальные страсти людей, своей философией отводя их от сверкания золота, бережно охраняя источник своего вдохновения. В этом ряду, составляющем мифологему о Толстом-проповеднике, появляется «рулевой», тот, кто точно знает, куда и зачем направлять людей, плывущих в небольшом суденышке нравственности по морю распущенности: «морали правит бот» [4, с. 8], «в исканьи праведности граней» [4, с. 12]. По мысли Д. Бурлюка, на данном ботике и приплыли лучшие люди поколения, создавшие новую страну, светлую и чистую. С этого фрагмента лирический герой Д. Бурлюка начинает использовать местоимение мы, выступая совместно с созидателями нового государства (отметим, что, несмотря на эмиграцию, поэту всегда была близка советская идеология). Именно Толстой выкормил своей добротой этих «птенцов», которые теперь, уже в 1928 г., «выросли в стократ» и несут в руках «красный флаг», а в душе – основные положения толстовства в большевистском преломлении: «бедность – красота», «богатый – хам и кровопийный враг» [4, с. 10].

Мифологема «мудрость Л. Н. Толстого» интерпретирована Бурлюком как

интеллектуальное превосходство над всеми «мудрецами прошлого»: «Толстой в семье их старший брат» [4, с. 10]. Мудрость проявлена через возрастные приметы: «перед сединами ночного старика» [4, с. 12], «Толстого взлет седин» [4, с. 21]. Благодаря мудрому учению писателя смогли перевернуть существующий строй, и история государства полностью переменялась.

Но Толстой не просто мудрец, он также великий мыслитель: «Толстого мысль – заветная мета» [4, с. 10]. Цель у большевиков и писателя совпала, фактически потомки осуществили то, что он «предусмотрел и предвосхитил, предрек и показал собой наш день» [4, с. 15]: всеобщее равенство, борьбу с богатством. Новые устроители государства смогли благодаря идеям писателя осуществить то, о чем он мечтал, лирический герой поэмы видит Толстого идеологом Советского союза:

И днесь
Когортами СССР железно
Расплавлена мыслителя
руда...
[4, с. 17]

Пафос здесь не просто героический, а сверхсильный, сверхмощный, вполне соответствующий не только футуристам, но и соцреалистам («горнило», «руда» и пр.). Отношение к Толстому у Бурлюка совершенно особенное, личное, отличное от общего направления футуризма, желающего «бросить с корабля современности» классиков русской литературы и создающих профанный миф о великих писателях [см., например, о Маяковском: 6].

«Толстой – критик церкви» – одна из самых популярных мифологем начала XX в. Д. Бурлюк с позиций новой атеистической действительности использовал представления о писателе вполне традиционно. Широко известны статьи Л. Н. Толстого «Исповедь» (1879–1882), «В чем моя вера?» и мн. др., в которых он подробно объяснял свое личное

отношение к вере и безнадежные попытки найти ответ на свои вопросы в православии, то, что постепенно вынудило подробно развенчать не устраивающие его догмы и таинства Русской православной церкви. Такое толкование раз за разом воспринимается как критика и получает большой резонанс в первую очередь среди священнослужителей, а затем и остальной паствы.

С присущей ему откровенностью Толстой объяснял, что он не мог постичь веру, отключив разум: «Чем дальше я продолжал жить, исполняя обязанности верующего, тем более эта ложь резала мне глаза и требовала исследования того, где в этом учении кончается ложь и начинается правда» [7, с. 10]. Надо отметить, что истинность Бога он сомнению не подвергал, утверждая, что только в вере можно обрести смысл жизни, и последние десятилетия своего пути он полностью посвятил служению Богу, что привело к разладу в семье, которая еще могла «делить» отца и мужа с многочисленными поклонниками его таланта, но с Богом соперничать не могла.

Толстой взялся за перевод четырех Евангелий и в первой же строке Евангелия от Иоанна нашел подтверждение своим поисками, переведя ее как «Началом всего стало разумение жизни. И разумение жизни стало за Бога. И разумение-то жизни стало Бог» [7, с. 26] (каноническое: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»). Отсюда начинала рушиться вся концепция традиционной христианской религии: «Принятый Толстым принцип позволил ему не рассматривать, как не соответствующие разумности, “Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)”, сюжеты о чудесном зачатии и рождении Девой Марией И. Христа, описания чудес» [8, с. 43].

На протяжении значительного времени, не желая привлекать дополнительного внимания к учению Толстого и понимая количество сторонников и

последователей толстовства, а также преданных почитателей художественного дара писателя, государственные и религиозные власти не высказывали официального отношения к деятельности Л. Н. Толстого. «Его страшился умоуцый царь» [4, с. 13], – писал Д. Бурлюк в поэме. Но в 1901 г. в «Церковных ведомостях» все же было опубликовано «Определение Святейшего синода о графе Льве Толстом», многими воспринятое как анафема, но по сути только лишь заключившее, что «посему Церковь не считает его своим членом и не может считать» [9], кроме того, всегда готова принять писателя в свое лоно, когда он раскается и восстановит свое общение с нею. Толстой в своем ответе Синоду очередной раз объяснил свои долгие поиски истины и убеждение, что «учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же – собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения» [10, с. 247], и в свойственной ему манере с особой тщательностью разъяснил причины такого вывода.

Первоначальный вариант Определения написал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, который в персоническом мифе о Л. Н. Толстом являлся давним идеологическим противником и был представлен как «темная сила», «упырь» и пр. [см., например: 11]. Бурлюк в рамках этой традиции обозначает Победоносцева как «смерти веху», эпоха обер-прокурора овевана могильным холодом, что не раз подчеркивали его современники, так как радикально консервативные взгляды церковного чиновника исключали всяческое свободомыслие, а следовательно, и развитие. Усугубляло положение то, что, занимая высокий пост в высшем органе церковно-государственного управления Русской церковью, он распространял свое влияние в определении правительственной политики в области народного

просвещения, в национальном вопросе, во внешней политике. Именно его эпоха представлена Бурлюком как «царство мертвдуш», где обитали только лишенные жизненных сил, опустошенные преследованиями люди: «кругом паучья сушь на каторге что поседела» [4, с. 19]. Первое открытое неприятие Победоносцевым идеей Толстого связано как раз с просьбой писателя передать через обер-прокурора прошение царю Александру III о помиловании убийц его отца. К. П. Победоносцев категорически отказался исполнять просьбу, более того, настаивал на самом жестокое преследовании террористов [см., например: 12].

Толстой критикует церковь не только в публицистике, но и в художественных произведениях. Много страниц посвящено обряду и быту священников в романе «Воскресение» (1889–1899). Именно поэтому в поэме Д. Бурлюк восклицает: «Он в “Воскресеньи” высмеял алтарь» [4, с. 13], употребляя здесь, конечно, «алтарь» метонимически, имея в виду всю церковь. Хотя можно также вспомнить сцену пасхальной службы в главе 15 первой части «Воскресения» (не подвергавшуюся цензурным искажениям, в отличие, например, от полностью изъятой цензором главы церковной службы в тюрьме). Нехлюдов в церкви всеми помыслами своими находился только в очаровании Катюши, но при этом «близко мимо нее проходил в алтарь» [13, с. 55], то есть в самое священное место храма, думая, что «для нее блестело золото иконостаса и горели все свечи на паникадиле и в подсвечниках» [13, с. 56]. Так Толстой высмеивал обрядовость и устройство церкви, на что напрямую также указывает Бурлюк.

Поэт подчеркивал несчастную, плохую судьбу, которую Толстой предрек духовенству: «Толстой – бездолье сытому попу» [4, с. 13], то есть нет «доли» у священнослужителей, которые использовали доверие людей, а пеклись только о собственном благополучии и стабильности

своего положения, поэтому «служилым церкви» нет места у всегда «живого огня» Толстого. Важно отметить, что Бурлюк здесь через запятую поставил служителей «церкви, джаза и шантана» [4, с. 16], то есть русское православие включил в категорию массовых зрелищ.

Близки большевистской идеологии оказались и идеи опрощения Л. Н. Толстого. Мифологема, с этим связанная, лучше всего визуализирована в картинах И. Е. Репина, на которых изображен мудрый старец в просторной рубахе, иногда даже босой (что являлось художественным преувеличением). Бурлюк как истинный футурист, легко использовавший сниженную и просторечную лексику, утверждал, что «Толстой пылал своим костре восторга кизяку и нищему народу» [4, с. 10], передавая таким неоднозначным образом любовь Толстого к народу и поиски внутренней гармонии в простой жизни.

Опять же во многом благодаря И. Репину, и прежде всего его картине «Пахарь Л. Н. Толстой на пашне» (1887), сложилось представление о неутомимой тяге писателя к работе земледельца. Бурлюк так интерпретировал этот образ: Толстой «спать мечтал у голубого стога», «пахал и сеял» [4, с. 15]. Действительно, значение труда крестьян и рабочих было подчеркнуто писателем во многих публицистических работах: «Письмо крестьянину о земле» (1894), «К рабочему народу» (1902) и др. Утверждал это свое отношение к труду Толстой и в художественных произведениях. Например, наслаждение Левина от косыбы передано как истинное, настоящее: «Чем доле Левин косил, тем чаще и чаще он чувствовал минуты забытья <...> Это были самые блаженные минуты» [14, с. 267]. Так Бурлюк и передал толстовскую мысль о безусловном превосходстве труда физического над интеллектуальной деятельностью любого дворянина или чиновника:

Пускай не тешится работой
их богач –
Оправдан в них лишь бедный человек!
[4, с. 11]

В 1925–1930 г. (в этом временном промежутке написана и поэма) Д. Бурлюк создает парафраз полотну И. Репина – картину «Ленин и Толстой», на которой изображены «два символа: прошлое России олицетворяет Лев Толстой, а будущее – Ленин, впрягшийся в плуг и, значит, готовящий почву для грядущих побед Советской России» [15]. Такой сюжет вряд ли соответствовал взглядам самого В. И. Ленина на роль Толстого в революционном движении, изложенным в статьях Ленина о нем. Вождь пролетариата считал, что Толстой не смог понять ни рабочего движения, ни самой революции. Признавая величие Толстого, В. И. Ленин обозначил его лишь «зеркалом революции», в отличие, например, от другого писателя XIX в. – А. И. Герцена, развернувшего революционную агитацию (см. статьи В. И. Ленина: «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Памяти Герцена» и др. [16]).

Конечно же, назвать Толстого в этой парадигме большевиком, революционером невозможно, тем более трудно подразумевать под «зерном», посеянным когда-то писателем, большевистские тезисы («вдоль родины зерно вошло» [4, с. 15]). Л. Н. Толстой не раз подчеркивал, что идеи свержения власти ему не близки, подсмеивался и даже раздражался, если кто-то пытался приписать ему подобные, отстаиваемая им доктрина непротивления злу насилием была незыблема: «Пытаясь насилием бороться с насилием, вы, рабочие, делаете то, что делал бы связанный человек, если бы он, чтобы освободиться, тянул бы за связывающие его веревки: он только затягивал бы крепче те узлы, которые держат его» [17, с. 122]. Статья «Как освободиться рабочему народу?» (1905) стала ответом на письмо крестьянина

Тверской губернии М. Д. Суворова, служившего лакеем в Петербурге. В письме прозвучал затронувший писателя вопрос крестьянина: «Скажи, Великий Патриарх, долго ль многонаселенные серые сермяги тащить будут перекувырнутую телегу?» [18, с. 370], на который он теми же тезисами, что и в предыдущих статьях, подробно ответил. Поэтому мифологизированное представление Бурлюка о том, что Толстой «протестовал, нося свою сермягу» [4, с. 16], является также частью созданного им персонического мифа о Льве Толстом.

Д. Бурлюк видел соперничество в отстаивании у «белогвардейцев» нашего, фактически «красного» Толстого. Но аргументы его опять же сводились к опрощению писателя, к ограничению себя в излишествах, что не связано с революционными призывами. Поэтому «болел за простоту», отказывался от излишества и роскоши, «ужасался тела в ресторане», пусть даже «хвалил зипун, телегу и ковыль» вполне соотносится с философией Л. Н. Толстого, а «плевал в “хозяев”» [4, с. 12] – уже дополнено собственными мифологическими представлениями поэта.

Бурлюк назвал Толстого «схимником», то есть затворником, одиночкой, грезящем о «простоте вселенской», «чтоб жить без барства» [4, с. 13]. Если говорить о барстве в широком смысле слова, подразумевая «изнеженность, нежелание трудиться», то писатель примером своей жизни ратовал именно за это, но с Толстым также связаны представления о «старом, старинном барстве». Это впечатления как раз радостные, теплые, родные, соотносимые с семейными традициями бабушки и деда со стороны отца: «остаток старинного барства, барства деда» [10, с. 361]. Несмотря на оговорку Толстого в предисловии к этим воспоминаниям, что многого в своей жизни он стыдился, барство здесь имело положительную оценку. Поэтому вполне закономерно появление статьи

Д. И. Писарева «Старое барство («Война и мир», сочинение графа Л. Н. Толстого. Томы I, II и III. Москва. 1868)» [19], который с некоторым пренебрежением, но без неодобрения употреблял это понятие, хотя сам Писарев идеологически был как раз близок Д. Бурлюку.

Теплые воспоминания Л. Н. Толстого о своих предках, обширная переписка с представителями дворянства России и многочисленные дружеские встречи опровергают утверждение Бурлюка о своем герое: «могуче отрицал его родивший класс». Так складывался один из вариантов мифологемы об опрощении писателя: знатное происхождение Толстого, а затем отказ от своих сословных привилегий создали мифологическое представление об отрицании своих предков. И эта мифологема «жила» в читательском сознании, не обращая внимания на истинное отношение писателя к «его родившему классу». Благодаря интерпретациям и деятельности поклонников Толстого и сторонников его взглядов получилось так, что персонический миф о Толстом, а не сам Толстой «множил к лордам ненависть к богатству» [4, с. 13]. Английские колонии толстовцев, поддерживаемые В. Г. Чертковым, были многочисленны и разнообразны, среди их членов были и баронеты. Основой объединения этих людей были труд, духовное родство, самосовершенствование, а не классовая ненависть [см. об этом: 20]. Поэтому и фраза лирического героя из поэмы «заране он приветствовал КОММУНУ» также является частью мифологемы об опрощении Толстого большого персонического мифа о нем. В ответном письме секретарю Толстовского общества в Манчестере Перси Редферну (от 2 (15) августа 1901 г.) писатель подробно обосновывал свой взгляд на создание подобных коммун: «быть членом старого общества, установленного Богом при начале сознательной жизни человечества, более выгодно и для себя и для человечества,

нежели быть членом ограниченных обществ, организуемых нами для достижения целей, доступных нашему сознанию», «для меня лично было бы большой потерей переменить свое членство в великом Божьем обществе на кажущееся полезным участие в каком бы то ни было человеческом обществе» [21, с. 115]. Вполне однозначное мнение о подобных образованиях, хотя толстовцы, интерпретируя конкретные суждения писателя, во всем мире объединялись по принципу общей собственности и ресурсов, что опять же свидетельствует о широте толстовского мифа.

«Сивка» (лошадь сивой масти), «лапоть», пересуды деревенских старух, по мнению Д. Бурлюка, становились предметом изображения в творчестве Толстого: «пером о них любил царапать» [4, с. 13]. Такое выражение снижало общепринятый пафос писательского созидательного труда (автор-творец равен создателю-творцу), но приближало героя поэмы к простому человеку. Поэтому «ашать (кушать. – В. К.) из липовой посуды», «ходил на сенокос, что бы быть заправским мужиком, сморкаться – без батиста в нос» [4, с. 13] и пр. – это мифологизация опрощения Толстого, воплощенная в конкретном художественном произведении.

Создавая персонический миф о Льве Толстом, Д. Бурлюк использовал мифологемы необходимые ему для воплощения образа Великого Большевика:

«величие Толстого», «мудрость Толстого», «Толстой – критик официальной церкви» и «опрощение Толстого». Наиболее развернута мифологема опрощения, поскольку именно здесь поэт, как ему казалось, нашел, больше всего точек соприкосновения с большевизмом. Для Л. Н. Толстого в опрощении были глубина и сложность, отчасти мало достижимая, связанная прежде всего с самоограничением и самосовершенствованием, способностью человека подняться на такую высоту, когда самое сложное, божественное станет простым. Бурлюк в рамках поэмы представлял не опрощение, а упрощение: спать в стогу, есть из деревянной посуды, уничтожить богатых, просто трудиться, – лозунги большевизма для народной пропаганды. Таким образом, герой поэмы становится плоским, остается только «гордотень старика» [4, с. 15], хотя «тьень великая» [4, с. 16] (уважение к величию Толстого у поэта остается безусловным). В дальнейшем советская идеология активно станет эксплуатировать и расширять толстовский текст, во многом двигаясь в направлениях, обозначенных поэтом-футуристом, без всякой связи с эмигрантом. Назвав писателя «Великим кротким большевиком», Бурлюк стал одним из первых создателей мифа о советском Толстом. Но всего через два года, в 1930 г., в книге «Энтелехизм» поэт напишет о себе: «Я являюсь первым истинным большевиком в литературе...» [22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелетинский Б. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). С. 178–194.
2. Курьянова В. В. Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Научный диалог. 2019. № 1. С. 179–192.
3. Лошаков А. Г. О принципах моделирования сверхтекста // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. 2018. № 5. С. 70–80.
4. Бурлюк Д. Великий кроткий большевик. Поэма на 100-летие со дня рождения Льва Николаевича Толстого // Бурлюк Давид Д. Толстой. Горький. Поэмы. Нью-Йорк: изд. Марии Никифоровны Бурлюк, 1928. 42 с.

5. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=21369> (дата обращения: 19.12.2020).
6. Курьянова В. В. Толстовский миф в творчестве В. В. Маяковского // *Litera*. 2018. № 4. С. 152–167.
7. Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех евангелий // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 24. Произведения 1880–1884 гг. / подгот. текста и коммент. Н. Н. Гусева. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 1012 с.
8. *Игнатьев В. А.* Л. Н. Толстой: критика учений о воскрешении и бессмертии // *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2009. № 3 (24). С. 42–59.
9. Определение святейшего синода от 20–22 февраля 1901 года, с посланием верным чадам православных грекороссийских церкви о графе Льве Толстом // *Церковные ведомости, издаваемые при святейшем правительствующем синоде*. 24 февраля 1901. № 8. С. 45–47.
10. Толстой Л. Н. Воспоминания // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 34. Произведения 1900–1903 / подгот. текста и коммент. С. Д. Балухатого, Н. Н. Гусева, В. С. Мишина и др. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. 627 с.
11. Блок А. А. Солнце над Россией (Восьмидесятилетие Льва Николаевича Толстого) // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 8. Проза (1908–1916). М.: Наука, 2010. С. 55.
12. Прокопов Т. Советчик царей, оберегатель России. Полемический портрет К. П. Победоносцева // *Иные берега*. 2014. № 3 (35). URL: <http://iniebereg.ru/node/599> (дата обращения: 21.07.2020).
13. Толстой Л. Н. Воскресение // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 32 / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1936. 544 с.
14. Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 18. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Худож. лит., 1934. 560 с.
15. *Войсунская Н.* Футуризм и после: Давид Бурлюк (1882–1967) // Третьяковская галерея. Спец. вып. 1. Америка – Россия: на перекрестках культур. URL: <https://www.tg-m.ru/articles/sv1-amerika-rossiya-na-perekrestkakh-kultur/futurizm-i-posle-david-burluk> (дата обращения: 22.12.2020).
16. Ленин В. И. О литературе и искусстве. Изд. 6-е. / сост. Н. И. Крутикова. М.: Худож. лит., 1979. 827 с.
17. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 35. Произведения 1902–1904 / подгот. текста и коммент. А. П. Сергеевко, В. С. Мишина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1950. 712 с. С. 122.
18. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 90. Произведения, дневники, письма 1835–1910 / подгот. текста и коммент. В. С. Мишина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 472 с.
19. Писарев Д. И. Старое барство («Война и мир», сочинение графа Л. Н. Толстого. Томы I, II и III. Москва. 1868) // Писарев Д. И. Литературная критика: в 3 т. Статьи 1865–1868 / сост., подгот. текста и примеч. Ю. С. Сорокина. Л.: Худож. лит., 1981. Т. 3. С. 245–281.
20. Воробьев И. А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов // *Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта*. 2011. Вып. 6. С. 141–146.
21. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 73. Письма 1901–1902 / подгот. текста и коммент. В. А. Жданова. М.: Худож. лит., 1954. 429 с.
22. Бурлюк Д. Д. Энтелехизм. Нью-Йорк: Издание Марии Никифоровны Бурлюк, 1930. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/burluk-entelchism/burluk-entelchism.html> (дата обращения: 03.12.2020).
23. Саломони А. Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905 гг.) // *Русская эмиграция до 1917 г.* СПб., 1997. С. 112–127.

REFERENCES

1. Meletinskiy V. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Izdatelskaia firma “Vostochnaia literature” the Russian Academy of Sciences Publ., 2000. 407 p., pp. 178–194.
2. Kuryanova V. V. Tolstovskiy tekst i mif o L. N. Tolstom v tvorchestve I. Ilfa i E. Petrova [Tolstoy text and the myth of L. N. Tolstoy in the works of I. Ilf and E. Petrov]. *Nauchnyi dialog*. 2019, No. 1, pp. 179–192.

3. Loshakov A. G. O printsipakh modelirovaniia sverkhteksta [About principles of supertext modeling]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: Russkaia filologiia* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology]. 2018. № 5, pp. 70–80.
4. Burluiuk D. *Velikiy krotkiy bolshevik. Poema na 100-letie so dnya rozhdeniya Lva Nikolaevicha Tolstogo* [Great meek Bolshevik. Poem on the 100th anniversary of the birth of Leo Nikolaevich Tolstoy]. Burluiuk David D. Tolstoy. Gorkiy. Poemy [Tolstoy. Bitter. Poems]. New York, Marii Nikiforovny Burluiuk Publ., 1928. 42 p.
5. Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo iazyka Vladimira Dalia [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. Available at: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=21369> (Accessed to Desember 2020).
6. Kuryanova V. V. Tolstovskii mif v tvorchestve V. V. Maiakovskogo [The Tolstoy myth in the works of V. V. Mayakovsky]. *Litera*. 2018, No. 4, pp. 152–167.
7. Tolstoy L. N. Soedinenie i perevod chetyrekh evangeliy [Connection and translation of the four Gospels]. In: Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 24. Proizvedeniia 1880–1884 gg.* [Complete works: in 90 volumes. V. 24. Works of 1880–1884]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozh. lit. Publ., 1957. 1012 p.
8. Ignatyev V. A. L. N. Tolstoy: kritika uchenii o voskreshenii i bessmertii [Tolstoy: criticism of the doctrine of resurrection and immortality]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin]. 2009. № 3 (24), pp. 42–59.
9. Opredelenie sviateishego sinoda ot 20–22 fevralia 1901 goda, s poslaniem vernym chadam pravoslavniya grekorossiiskii tserkvi o grafe Lve Tolstom [Determination of the Holy Synod of February 20–22, 1901, with a message to the faithful children of the Orthodox Greek Russian Church about Count Leo Tolstoy]. In: Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri sviateishem pravitelstvuiushchem sinode. 24 fevralia 1901. No. 8, pp. 45–47.
10. Tolstoy L. N. *Vospominaniya* [Memories]. In: Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 34. Proizvedeniia 1900–1903* [Complete works: in 90 volumes. V. 34. Works 1900–1903]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozh. lit. Publ. 1952. 627 p.
11. Blok A. A. *Solntse nad Rossiei (Vosmidesyatiletie Lva Nikolaevicha Tolstogo)* [Sun over Russia (Leo Tolstoy's Eightieth Birthday)]. In: Blok A. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t. T. 8.* [Complete works and letters: in 20 volumes. V. 8.]. Moscow: Nauka Publ., 2010. P. 55.
12. Prokopov T. Sovetchik tsarei, oberegatel Rossii. Polemicheskii portret K. P. Pobedonostseva [Advisor to the kings, protector of Russia. Polemic portrait of K. P. Pobedonostsev]. *Inye berega* [Other shores]. 2014. No. 3 (35). Available at: <http://inieberega.ru,node,599> (Accessed to Desember 2020).
13. Tolstoy L. N. Voskresenie [Resurrection]. In: Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 32.* [Complete works: in 90 volumes. V. 32]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1936. 544 p.
14. Tolstoy L. N. Anna Karenina. In: Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 18.* [Complete works: in 90 volumes. V. 18]. Moscow; Leningrad: Khudozh. lit. Publ., 1934. 560 p.
15. Voiskunskaiia N. Futurizm i posle: David Burluiuk (1882–1967) [Futurism and After: David Burluiuk (1882–1967)]. *Zhurnal "Tretyakovskaya galereya"* [The Tretyakov Gallery Magazine]. Available at: <https://www.tg-m.ru/articles,sv1-amerika-rossiya-na-perekrestkakh-kultur,futurizm-i-posle-david-burlyuk> (accessed to July 2020).
16. Lenin V. I. *O literature i iskusstve* [About literature and art]. Moscow: Khudozh. lit. Publ., 1979. 827 p.
17. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t. T. 35. Proizvedeniia 1902–1904.* [Complete works: in 90 volumes. V. 35. Works 1902–1904]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1950. 712 p. P. 122.
18. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t. T. 90. Proizvedeniia, dnevniki, pisma 1835–1910* [Complete works: in 90 volumes. V. 90. Works, diaries, letters 1835–1910]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1958. 472 p.

19. Pisarev D. I. Staroe barstvo ("Voyna i mir", sochinenie grafa L. N. Tolstogo. Tomy I, II i III. Moskva. 1868) [The old haughtiness ("War and Peace", the work of Count Leo Tolstoy. Volume I, II and III. Moscow. 1868)]. In: Pisarev D. I. *Literaturnaia kritika: v 3 t. Statyi 1865–1868* [Literary criticism: in 3 volumes. Articles 1865–1868]. Leningrad: Khudozh. lit. Publ., 1981. Vol. 3. Pp. 245–281.
20. Vorobyev I. A. Tolstovskie kolonii v Anglii vo vtoroi polovine 1890-kh godov [Tolstoy colonies in England in the second half of the 1890s]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant]. 2011, Iss. 6, pp. 141–146.
21. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t. T. 73. Pisma 1901–1902*. [Complete works: in 90 volumes. V. 73. Letters 1901–1902]. Moscow: Khudozh. lit. Publ., 1954. 429 p.
22. Burluk D. D. *Entelekhizm*. New York: Marii Nikiforovny Burluk Publ. 1930. Available at: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/burluk-entelehism,burluk-entelehism.html> (accessed to Desember 2020).
23. Salomoni A. Emigranty-tolstovtsy mezhdru khristianstvom i anarkhizmom (1898–1905 gg.) [The emigrants-tolstoyans between Christianity and anarchism (1898–1905)]. In: *Russkaia emigratsiia do 1917 g.* St. Petersburg, 1997. Pp. 112–127.

Курьянова Валерия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

e-mail: kuryanova_v@mail.ru

Kurianova Valeria V., PhD in Philology, Associate Professor, Assistant Professor, Russian and Foreign Literature Department, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

e-mail: kuryanova_v@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.02.2021

The article was received on 09.02.2021